

Похоже, что с верхней одеждой она сильно погорячилась, как-то совершенно упустив из внимания этот момент, — выскочила из дома в привычном легком коротком пуховичке, ботиночки демисезонные, про шапку с шарфом так и вовсе не вспомнила, хорошо хоть перчатки надела. Март он, конечно, март, и пусть даже к концу подходит, но ведь реально подмораживает, ощутимо. Не так чтобы прямо совсем околеть от холода, не критично, к тому же в метро тепло, а по улицам она километры пешком не наматывает — пробежится от станции метро к нужному месту или подъедет, в крайнем случае, на такси или на общественном каком транспорте, но все равно холодно. Что значит человек, привыкший передвигаться исключительно на личном автомобиле, не приспособленный к жизни большинства «безлошадных» граждан.

«Как там у известной писательницы было? — иронизируя над собой, посмеивалась Дина, поднимая воротник и придерживая его у горла рукой. — Что-то вроде «сходил в народ и, на удивление, не помер». Кажется, так».

Ну насчет помереть — это явно перебор, а вот насчет «сходил в народ» — в самую точку: стоит вы-

браться из-за руля и влиться в людской поток, как теряешься с непривычки, забывая, например, о необходимости одеваться по погоде (и желательно не той, что царит внутри твоей машины, а той, что на улице). Но машинка любимая, джипик боевой, сегодня на техобслуживании и будет там еще несколько дней, так что мерзнуть ей теперь вместе с народом.

Но это от устойчивой привычки «я в домике за рулем», а не от снобизма. Не от него, это уж точно. На минуточку, она и есть тот самый народ, и в чем-то гораздо в большей степени, чем многие иные.

Так что не помрем, не замерзнем, не околеем и прорвемся.

Вон ей совсем чуть-чуть осталось — через дорогу по переходу перейти и быстренько-быстренько перебежечкой немного по улице, потом свернуть в первый переулочек и нырнуть в знакомое тепло уютного кафе.

И все. Красота-а-а... Она сразу попросит стакан горячей воды с лимончиком и капучино, мелкими глоточками выпьет кипяточка, расслабитесь-согреться, а там и кофе принесут, и станет ей хо-ро-шо.

Светофор на этом переходе был длинный, людей по обеим сторонам скопилось прилично, а машины все мчались и мчались, ускоряясь, торопясь успеть на зеленый свет. Дина стояла впереди собравшейся толпы у самого края первой белой полосы перехода, жались-кукожилась под порывами холодного ветра в своей куртеньке и мысленно посмеивалась над собой.

Внезапно, чуть зацепив рукав ее куртки, прямо на переход выдвинулась детская коляска с младенцем, которую уверенно катила вперед молодая мамашка,

одной рукой толкая коляску, а большим пальцем другой руки сноровисто набивая какой-то текст в своем смартфоне.

Наушники в ушах, лицо, отрешенное от реальности, вся с головой в Сети, не обращая внимание ни на что вокруг, она уверена шла, не сбавляя темпа, двигая впереди себя коляску с малышом.

Толпа за спиной у Дины ахнула единым испуганным возгласом, кто-то вскрикнул, а у нее мгновенно врубилась на всю мощность рефлекс, и она увидела происходящее в полном объеме и с четкими деталями — красный свет светофора для пешеходов, поток машин на противоположной стороне, проскочившая по их полосе перед самой детской коляской «Ауди» и мчавшийся за ней прямо на зависшую в Сети мамашу с ребенком черный огромный внедорожник.

В доли секунды перестроившееся на некий особый режим работы сознание Дины выхватило момент, как изменилось выражение лица водителя джипа, как его руки начали выворачивать руль влево, и смогло проследить траекторию движения тяжелой машины, понимая, что тот не успеет, не успеет...

Руки Дины, все ее тело среагировали раньше, чем оформилась мысль, на одном голом рефлексе, отточенном годами. Она ухватила капюшон куртки нерадивой мамы и со всей, на какую была способна, силой рванула ту назад, продлевая движение дальше, дальше, мимо себя, за спину. Не успевшая ничего сообразить, девица придушенно хекнула горлом, неожиданно передавленным воротником, и, отпустив коляску, подчиняясь рывку, отлетела назад, аж за Дину, чего та и добивалась.

А коляска осталась стоять на переходе...

И уже ничего, ничего невозможно было... Дина рванула вперед, видя-понимая со всей четкостью, что не успевает, не успевает... Каким-то щелчком сознание внезапно переключилось в иной режим, время растянулось, как в замедленной съемке, при этом мозг фиксировал даже самые мелкие детали, добавив картинке особой яркости и четкости.

И Дина отмечала, как все выкручивает и выкручивает руль водитель несущейся на нее машины, успела поразиться, что в выражении его лица нет ни паники, ни испуга, лишь злая предельная сосредоточенность, увидела, как в беззвучном крике раскрывается его рот, как тормозят и поворачивают машины встречного потока и как медленно, слишком медленно, тянется ее рука к детской коляске, как, схватив за ручку, она выталкивает ее назад, за себя, со всей силы, и коляска медленно начинает откатываться, чуть не завалившись набок, а Дину силой инерции несет вперед...

На самой последней секунде все, что она успела сделать уже абсолютно неосознанно, интуитивно, — это дернуться всем телом назад и в сторону от неотвратно летевшей на нее черной громадины.

И снова время вернулось в привычное течение, и Дина почувствовала сильнейший удар в левое бедро, от которого ее развернуло, и она отлетела в сторону, упав на правую руку, с силой приложившись головой об асфальт и что-то острое.

По всей видимости, Дина потеряла сознание на какое-то непродолжительное время, потому что в себя она пришла от обрушившейся на нее шквалом какофонии звуков — громкие, нервные и истеричные людские голоса, ругань, крики, кто-то что-то тре-

бовал, кто-то скандалил, кто-то плакал, и надрывно орал младенец, гудели клаксонами автомобили, какая-то женщина наклонилась над Диной и спрашивала о чем-то. Дина никак не могла разобраться, что та говорит, только отмечала в какой-то прострации, как меняется выражение лица незнакомки от озабоченного до жалостливо-испуганного.

Так. Так. Пыталась она что-то понять. Надо сообщить, что вообще происходит.

И тут лицо женщины, нависавшее над ней, исчезло, а вместо него совсем близко возникло лицо другого человека. Мужчина посмотрел на Дину долгим изучающим взглядом и произнес нарочито четким и громким голосом:

— Вы меня слышите?

Дина почувствовала внутри, где-то в районе солнечного сплетения, такое приятное, непонятное тепло, которое затем растеклось по всему телу...

Она смотрела в эти темно-янтарные глаза совершенно незнакомому ей мужика и тонула в них, и ей вдруг так сильно, так сильно — больше всего на свете захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял, и тогда — она точно знала — все-все стало бы замечательно и правильно.

Каким-то необъяснимым образом, на какие-то мгновения, она вдруг уловила всеми своими обострившимися чувствами в этом незнакомом мужчине нечто абсолютно родное.

Дина медленно закрыла глаза, втянула с силой воздух и, ненадолго задержав дыхание, медленно выдохнула, успокаивая себя.

Наверное, головой она стукнулась всерьез, если с ней происходят такие странности и чудится всякое.

Может, это все? Добегалась?

— Ей совсем плохо, разве вы не видите! — прокричала какая-то женщина сбоку.

— Я уже вызвала «Скорую»! — произнес другой женский голос.

— Да какая «Скорая»! — возмутился мужчина, по голосу вредноватый дедок. — Вон пробка образовалась! Да и пока они приедут, девушка сто раз помереть успеет!

— Помолчите, — остановил говорливого дедка мужчина. Он говорил очень спокойным, ровным тоном человека, привыкшего отдавать приказы и знавшего, что их выполняют, и пообещал: — Если «Скорая» задержится, я ее отвезу.

И от этого его голоса и тона у Дины вдруг мурашки побежали по телу.

Да, подумала она какой-то вялой, тягучей мыслью, наверное, ей совсем хреново, очень уж странные реакции тела.

— Да? — недоверчиво спросила бабулька из разряда въедливых старушек. — А куда вы ее отвезете, мы ж не знаем? Вы ж девушку сбили, а это статья уголовная. Может, вы ее в лесок какой отвезете, а не в больницу, и закопаете там потихому? Вон у вас машина какая, богатый человек и наверняка со связями. Что вам простые люди. Подумаешь, убили девчонку.

— Я пока жива, — вмешалась в разговор Дина и открыла глаза.

— Да то пока, милая, вон у тебя кровь из головы хлещет, — возразил дедок.

— Лежите, — легонько надавив на плечо, мужчина, сидевший на корточках возле нее, остановил

ее попытку приподняться. — У вас может быть поврежден позвоночник, лучше не рисковать.

— Что, и правда хлещет? — спросила она у него.

— Не ручьи, — улыбнулся незнакомец.

И от этой его улыбки с легкой иронией на Дину вдруг словно снизошло какое-то абсолютное спокойствие и уверенность, что теперь уж точно и обязательно все будет хорошо.

Интересно, почему?

— Это вы специально так говорите, — снова выступила бабка, — чтобы нас убедить, что девушка не сильно пострадала.

— Что с ребенком? — как-то вмиг вспомнив про него, спросила Дина.

— Все в порядке, коляску не задело, — успокоил ее мужчина.

— Почему тогда он так кричит?

— Проснулся, испугался, наверное, — предположил мужчина. — Да и мамаша его из коляски достала, трясет, прижимает к себе и рыдает.

— Да такую мамашу надо прав на ребенка лишать! — переключилась на новый объект активная бабулька. — Это ж надо ума не иметь, чтобы такое творить: дебильники в уши, в телефон пальцем тыкает и пошла ребенка под машину катить! Разве ж это мамаша! Это ж отродье какое-то, а не мамаша!

— Помогите мне встать, — попросила Дина.

— Полежите еще чуть-чуть, — сказал с легким приказным нажимом мужик, — вон уже «Скорая» едет, слышите?

Дина прислушалась. Да, едет, на всю улицу знакомый вой сирены разносится. А ей и гибэдэдэшная подпеваает где-то с другой стороны.

Ну ладно, полежим в таком случае, подождем. А то и правда, мало ли что там с позвоночником, она пока от шока, видимо, даже боли еще не ощущает, но отлично знает, что чуть спадет адреналин в крови, и она такое почувствует... во всех подробностях и деталях, о-ей-ей.

Так что полежим.

— Вы меня сбили? — спросила она мужчину, почему-то все так и продолжавшего сидеть возле нее.

— Я.

Даже односложное, короткое слово, произнесенное им, звучало у него весомо.

— Как? — спросила она, интересуясь подробностями.

Он понял, о чем именно она спрашивает.

— По касательной, в левое бедро. Вы успели дернуться в последний момент, а я успел-таки довернуть. Повезло. На встрече народ среагировал правильно: кто затормозил, кто ускорился и успел проскочить вперед, оставили мне место для маневра. — И вдруг, совершенно неожиданно, он погладил ее по голове, жалея и подбадривая, с какой-то особенной нежностью, и похвалил: — Вы молодец. Вы просто поразительная умница.

И посмотрел прямо в глаза своими странными, казавшимися Дине очень знакомыми темно-янтарными глазами.

На всю улицу надрывался вой сирен приближающейся «Скорой помощи» и машины гибэдэдэшников, ехавшей с другой стороны ей навстречу. Ребенок заходился в истошном крике, мать его громко рыдала и что-то зло отвечала какой-то женщине, отчитывающей молодую мамашу противным ментор-

ским тоном. Въедливая бабка выступала за порядок и справедливость, дедок вторил той баском, добавляя напряженности в атмосферу. Машины гудели, пытаясь объехать образовавшуюся пробку, а они смотрели в глаза друг другу, зависнув на какое-то мгновение во времени...

И вновь время ускорилося, события закружились одно за другим. Отодвинув мужчину куда-то в сторону из поля зрения Дины, над ней склонился доктор «Скорой помощи».

Четко, кратко и по существу отвечая на расспросы врача, Дина попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, куда делся сбивший ее водитель, но именно в этот момент ее организм решил, что пора показать, как ему плохо, и выстрелил болью во всех пострадавших местах одновременно, да с такой злой интенсивностью, что у Дины перехватило дыхание и невольно брызнули слезы из глаз.

— Ничего, ничего, — поспешил успокоить врач, заметив реакцию девушки на легкое движение и эти ее предательские слезы, — сейчас обезболим и в больничку повезем.

— Что с ней, доктор? — спросил сбивший ее водитель, внезапно появившись рядом с ней.

— Сотрясение, предположительно переломы левого бедра и правой руки, ушибы тела и головы, скальпельная рана, — перечислил доктор. — Точнее после обследования в больнице. Нужна срочная госпитализация.

— Я помогу, — безапелляционным тоном сообщил мужчина.

Очень споро, ловко и быстро Дину перенесли на каталку, спасибо, что достаточно аккуратно — к то-

му моменту у нее уже боль была настолько сильной, что она боялась снова потерять сознание. Но загрузку каталки в машину «Скорой помощи» остановил гибэдэдэшник, который спросил данные пострадавшей у врача, а потом обратился непосредственно к Дине:

— Заявление писать будете? — И объяснил подробнее, видимо, специально для стукнутой головушкой: — Претензии к наехавшему на вас водителю имеются?

— Какие претензии? — округлила глаза Дина. — Он всех нас спас, ему благодарности надо выносить, а не претензии предъявлять.

— Положим, всех нас спасли именно вы, а не я, — спокойным, ровным тоном возразил ей водитель внедорожника.

И Дина удивилась: оказывается, он никуда не делся, так и стоит рядом с каталкой.

— Ну кто кого спас, это мы разберемся, — проворчал гибэдэдэшник и продолжил опрос пострадавшей: — А к гражданке Володиной претензии предъявлять будете?

— Это мамаша с коляской? — уточнила Дина.

— Да, виновница дорожно-транспортного происшествия, — внес полную ясность полицейский.

— Пока не знаю, — честно призналась Дина.

Что-то ей совсем хреновенько стало, голова поплыла-а-а, в затылке выстрелило острой болью, сильно замутило, а левый бок заболел как-то совершенно нестерпимо.

— Так, все, — прервал разговоры доктор.

И каталку с Диной вкатили в машину.

— Куда вы ее? — спросил водитель внедорожника.

— В Склиф, — ответил доктор.

А мужик вдруг совершенно неожиданно для всех шагнул следом за каталкой в машину «Скорой помощи», склонился над Диной, взял ее за руку и пообещал:

— Я приеду. Сейчас разберусь тут с гибэдэдэшниками и приеду к вам.

— Ладно, — ничего не поняла Дина, но почувствовала что-то необъяснимо приятное от этого его обещания.

А он уже выскочил на дорогу к гибэдэдэшнику, сказавшему ему что-то недовольным тоном.

Только машина «Скорой» отъехала от места происшествия и набрала скорость, как запел смартфон Дины мелодией песенки про Умку.

— О господи, — встрепенулась Дина, — я совершенно забыла!

— Немудрено с такой аварией и ушибом головы, — заметила женщина-фельдшер и протянула Дине ее сумочку.

— Мамулেক, — посмеиваясь, сказал ей в трубку сын. — Ты где? Мне тебя все-таки ждать или ты зависла в делах?

— Не ждать, Кирюш, — постаралась придать голосу максимальное спокойствие и даже улыбнуться Дина. — Не пугайся, сынок, но меня сбила машина.

Вы бы не испугались, если бы вам такое сказала мать родная? Вот и Кирилл, проигнорировав призыв к спокойствию, сразу же напрягся.

— Нападение? — чуть ли не прокричал он.

— Нет-нет, — поспешно уверила Дина, — не нападение, честно. Абсолютная случайность. Я тебе все объясню.